

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 12

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2014

МОСКВА

*Журнал издается под руководством
Президиума Российской академии наук*

“НАУКА”

СОДЕРЖАНИЕ

Б.И. Пружинин – Культурно-историческая эпистемология: концептуальные возможности и методологические перспективы 4

Философия, культура, общество

Л.А. Микешина – “Философия Просвещения” Э. Кассирера в свете культурно-исторической эпистемологии 14

И.М. Меликов, А.А. Гезалов – Диалог культур и культура диалога: концептуальные основы 24

А.В. Прокофьев – Принцип согласия и применение силы 35

Философия и наука

В.Я. Перминов – Об априорности классической механики 45

Д.Э. Гаспарян – Бои за эпистемическое первенство: трансцендентальные границы современного натурализма 58

Из истории отечественной философской мысли

А.М. Руткевич – Рукопись А. Кожева “София, фило-софия и феноменология” 69

А. Кожев – София, фило-софия, феноменология. § 3. Философия как стремление к завершенной сознательности, т.е. философия как путь к совершенному знанию 78

А.Н. Пилясов – Разделенные полувеком: интеллектуальное влияние В.И. Вернадского на Л.Н. Гумилева 92

С.А. Пастушный – Философская концепция И.Т. Фролова в ее содержательном единстве	103
В.П. Визгин – Русская философия сегодня (Размышление о семинаре и книге)	118

История философии

И.В. Лоциц – История понятия бесконечности от Античности до Николая Кузанского....	130
С.Т. Золян – Теория языкового знака Г. Фреге в модальном ключе	139
В.Ю. Кузнецов – Единство мира в постнеклассическую эпоху (к постановке проблемы)	150

Из редакционной почты

В.Г. Вербицкий – Отчуждение как имманентное понятие истории философии и продуктивной деятельности.....	161
---	-----

Критика и библиография

Д.А. Замилов – Карл Ясперс. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире. Книга вторая. Просветление экзистенции. Книга третья. Метафизика	169
Л.А. Маркова – On Twenty-Five Years of Social Epistemology. A Way Forward. Двадцать пять лет социальной эпистемологии. Перспектива развития	175
Указатель содержания журнала “Вопросы философии” за 2014 год	182
Наши авторы	190

**Председатель Международного редакционного совета –
Лекторский Владислав Александрович**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Э. Агацци (Италия), Ань Цинянь (Китай), А.А. Гусейнов (Россия),
А.Ф. Зотов (Россия), А.Н. Нысанбаев (Казахстан), Т.И. Ойзерман (Россия),
М.В. Попович (Украина), В.С. Степин (Россия), Ю. Хабермас (Германия),
Р. Харре (Великобритания)

Главный редактор – Пружинин Борис Исаевич

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**П.П. Гайденко, А.А. Гусейнов, В.К. Кантор, В.А. Лекторский,
В.Л. Макаров, В.В. Миронов, Н.В. Мотрошилова,
И.С. Разумовский** (ответственный секретарь), **А.М. Руткевич, В.С. Степин,
Н.Н. Трубникова** (заместитель главного редактора), **Т.В. Черниговская**
Сайт журнала – <http://www.vphil.ru>

Бои за эпистемическое первенство: трансцендентальные границы современного натурализма*

Д.Э. ГАСПАРЯН

В исследовании речь идет о противостоянии двух современных эпистемических программ: натурализма и трансцендентализма. Автор показывает ограниченность натуралистической установки в ее попытках дать полное описание мира и объясняет, что современному натурализму вопреки расхожей диспозиции противостоит именно трансцендентализм, а не феноменология.

This research explores the confrontation of two contemporary epistemic programs: naturalism and transcendentalism. The author proves the limitations of naturalistic trial to give a complete description of the Universe and explains that despite popular disposition contemporary naturalism confronts mostly the transcendentalism, then phenomenology.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: натурализм, трансцендентализм, феноменология, эпистемические программы, сознание, смысл, свобода, субъективность, скептицизм.

KEY WORDS: naturalism, transcendentalism, phenomenology, epistemic programs, consciousness, meaning, freedom, subjectivity, skepticism.

Многие ученые исходят из того, что большая часть вопросов носит временный характер: то, что мы не знаем сегодня, мы узнаем завтра, ибо никаких принципиальных границ познания нет. Такой позиции соответствует установка натурализма (см., например, [Папино 1993]). Для понимания того, как далеко может простирается интеллектуальная мощь человечества, следует разобраться в правоте одной из двух противостоящих друг другу установок – натурализма или трансцендентализма¹. Некоторые философы и особенно те из них, кто симпатизирует трансцендентализму, как правило, более осторожны и скептически в оценках прогресса знания (см., например, [Стерн 1999]). Они допускают, что когда речь идет о нашем незнании или непонимании, проблема не всегда состоит во времени, – возможно, есть принципиальные зоны неясности, которые носят системно обусловленный характер и являются оборотной стороной нашего знания. В свое время создатель системы

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ «Концептологический анализ “возвращения к трансцендентному” в современной европейской философии» № 13-03-00573, 2014 г.

© Гаспарян Д.Э., 2014 г.

трансцендентализма И. Кант фактически дедуцировал границы знания, показав, откуда они берутся и где проходят. Впрочем, начиная с XX в. трансцендентализм как эпистемическая система, фундированная рядом дискуссионных положений (априоризм, деление на синтетические и аналитические суждения, удвоение мира на феномены и ноумены и пр.), неоднократно подвергался критике [Элисон 2004, 156]: он не так элегантен, как натурализм, так как вынужден прибегать к принципу удвоенной онтологии, что, разумеется, не упрощает мир; в эпистемическом плане он не так позитивен, как натурализм, так как предполагает, что не из всех областей знания может быть изгнан системный скепсис. Напротив, натуралистическая программа завоевывает лидирующие позиции, по крайней мере, в пределах аналитической философии (а именно: аналитической философии сознания, аналитической философии свободы и аналитической философии языка) [Китчер 1992, 94]. Ключевые преимущества натурализма обнаруживаются в элегантности однородной онтологии и высоком эпистемическом оптимизме [Страуд 2004, 22]. Означает ли это, что трансцендентализм представляет сегодня лишь историко-архивную ценность?

Несмотря на существование традиционного противостояния между позитивизмом (фактически целиком сформировавшим современный натурализм) и неокантианством, критика натурализма нередко производится без опоры на классические контексты и дискуссии, что приводит, по сути, к смутному представлению о том, какие у натурализма могут быть альтернативы. Натурализм принято критиковать за его “недостаточность” [Бэйкер 2011], но мы редко слышим, в чем состоит позиция противников и существует ли она вообще. Зачастую натурализму не предъявляют никаких отчетливых противовесов [Гассер 2007; Бэйкер 2014], и потому критики натурализма по большей части не предлагают никаких позитивных программ. Между тем при лучшей проработанности диспозиции сил дискуссии о возможностях натурализма могли бы быть более продуктивными. Критика, равно как и защита натурализма, приобрели бы большую взвешенность, если бы мы четче представляли его горизонты и рубежи. Помимо прочего, здесь может сработать строгая логика: если ясно, какова дизъюнктивная пара натурализма, то возможно умозаключить к тому, что просчеты натурализма не контингентны и не временны, но связаны с правой его противника, которого стоило бы, как минимум, сделать явным. В настоящей статье я постараюсь показать, что таким противником натурализма может выступить трансцендентализм, определенным образом акцентированный и понятый. Несмотря на более распространенное противопоставление феноменологии и натурализма, именно трансцендентализм паритетен (в качестве антипода) натурализму. Ниже я обозначу, где именно вижу различие между натурализмом и трансцендентализмом, а также трансцендентализмом и феноменологией. Предварительно прибегну к рабочей интерпретации трансценденталистского подхода в самом общем виде, а именно ограничению эпистемической позитивности в отношении тех структур реальности, которые ответственны за ее организацию.

Спор о содержании Универсума. Важно понимать, что, несмотря на прозаичность борьбы за методологическое первенство, обозначить реальность противостояния программ натурализма и трансцендентализма не так-то просто. Причем эта неочевидность носит ассиметричный характер, так как натурализм не всегда отдает себе отчет в том, как именно выглядит его противник. Данное обстоятельство связано с тем, что ключевой для проведения границы между подходами вопрос о полноте описания Универсума сам по себе не отрегулирован. Увидеть главное отличие между натурализмом и трансцендентализмом будет проще, если принять во внимание, что обе доктрины в некотором смысле претендуют на универсальное описание мира. При этом чаще, хотя и не всегда, натурализм настаивает на адекватности и достаточности описания мира в сугубо физических терминах, т.е. он ограничивается исключительно физической картиной мира, в которой нет ничего, кроме материи и ее проявлений [Папино 1993, 247]. Напротив, трансцендентализм убежден, как минимум, в неадекватности однородной картины мира: ограничиваясь натуралистическим словарем, мы строим либо *неполную* Вселенную (слабый тезис, предполагающий, что некоторые сущности мира оказываются не охваченными описанием), либо *искаженную* Вселенную (сильный тезис, согласно которому мы не учитываем встроенность субъектного в ту картину мира, которую имеем). Неочевидность диспозиции сил проистекает

именно из разных представлений о полноте Универсума. Натурализм изначально отталкивается от собственного представления о полноте. Его оборона против трансцендентализма весьма эффективна: она даже не позволяет противнику заявить о себе и состояться в качестве полноценной методологической альтернативы (см. [Кассам 2009]). Натурализм попросту не признает тот список элементов, которым располагает трансцендентализм, полагая его избыточным (см. [Мадди 2007]). Философа-натуралиста можно бесконечно упрекать в том, что он построил слишком бедную картину мира, – в его базовых установках мир и не должен быть богаче. Преуспеть в отстаивании актуальности трансцендентализма можно единственным способом: показать, где и почему не срабатывает натуралистическая программа, а именно оговорить те области, которые не удается описать на языке натурализма. Это: 1. Сознание (а именно феноменальное сознание, квалиа, если прибегать к словарю аналитической философии) (см. [Алтер, Уолтер 2010; Иванов 2013]); 2. Свобода (воли и действия) (см. [Икстром 2000; Фишер 1994]); 3. Смысл (особая сущность у Фреге, помещаемая им в третий мир, см. [Фреге 1997]); и в общем виде: 4. Субъект и субъективность (см. [Чизолм 1976, Бретмен 2007]). Эти четыре сущности объединяет тот факт, что мы не можем “найти” их в мире обычных объектов и предметных сущностей, они как бы “выпадают” из него. Первые три понятия (сознание, свобода, смысл) в совокупности представляют собой то, что в философии принято объединять в понятие субъекта или субъективности (перспективу от первого лица). Поскольку все три составляющие существенны для понятия субъектности, то везде, где речь идет о нем, присутствуют и эти три измерения². Соответственно, можно говорить о четырех главных эпистемических провалах натурализма: провале в объяснении сознания (см. [Левин 1983]), свободы, смысла и в конечном итоге субъекта.

Так или иначе, натурализм может даже разделить тезис о том, что измерения субъектности, сознания, смысла или свободы не принадлежат миру фактов и вещей. Тогда из этой посылки натурализм делает либо крайний редукционистский вывод об иллюзорности этих феноменов, либо умеренный вывод, в котором редукция не проводится, но предпринимается та или иная попытка их объяснения в терминах предметного позитивного знания. Например, это может быть версия натуралистического дуализма, в котором сознанию отводятся особый онтологический статус, но в конечном итоге объясняют в рамках универсальных психофизических законов, единых как для природы, так и для сознания [Чалмерс 2013, 224–236]. Оппонирование редукционистской стратегии обычно выглядит как демонстрация того, что проблематизируемая сущность сохраняет свою онтологическую значимость, а сведение сложного к простому или ненаблюдаемого к наблюдаемому не удается.

В случае достижения договоренности в вопросе о том, что указанные сущности не есть иллюзии, хотя и не находятся в мире наряду с прочими предметами и фактами, можно допустить, что их онтология отличается от онтологии вещей. Самое важное в их способе данности то, что они являются структурными условиями наблюдаемой реальности, и потому реальность в том виде, как она дана, есть уже результат и продукт системных требований, в предметной реальности не наблюдаемых. Сами эти условия должны оставаться принципиально нетематизируемыми, как минимум, в пределах той тематизации, в которой мы описываем все, что есть “для-нас”. Наиболее важен здесь следующий тезис: условия формирования мира сами в мире не встречаются³. Для того чтобы грамотно высказать интуицию того, что условия данности мира в самом мире не даны, нужен язык трансцендентализма, а не натурализма (см. [Бэлл 1999]).

Таким образом, план по усилению позиций трансцендентализма мог бы состоять в том, чтобы показать изнутри самого натурализма, что есть области, не подлежащие натуралистической формализации, объяснить, с чем это связано, предложив более когерентную модель. Этот способ обоснования трансцендентализма представляется более продуктивным, так как натуралисты часто не принимают трансцендентализм как программу в силу его контринтуитивности и эпистемического скепсиса (см. [Мадди 2000]). Однако даже в этом случае завязать диалог между двумя подходами не так просто в силу уже

упомянутого отсутствия консенсуса в понимании содержания мира, а именно ответа на вопрос “что есть?”.

Отличия натурализма от трансцендентализма. Теперь стоит сказать несколько слов о том, как понимать обе программы. Несмотря на интуитивную понятность, натурализм и трансцендентализм часто противопоставляют по совершенно плавающим основаниям [Смит, Салливан 2011, 38], в связи с чем существует риск того, что обсуждение спорных вопросов останется без надлежащей конкретизации. Согласно одному из наиболее известных определений Канта, трансцендентальным является “познание, занимающееся не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов, поскольку это познание должно быть возможным a priori” [Кант 1994, 121]. Эта основополагающая формулировка фиксирует одно из ключевых правил трансцендентализма – познание должно начинаться не с вещей, а с условий возможности данности этих вещей в том виде, в каком мы их застигаем: именно эти условия являются правильным началом. Натурализм, напротив, всегда начинается с вещей, их он считает подлинным началом, а вопрос об условиях несколько надуманным [Ким 1988, 145].

Программы натурализма и трансцендентализма чаще всего определяют как эпистемические, а не онтологические (при известной погрешности этого рабочего противопоставления). Отчасти это оправданно, так как эти программы, по сути, есть систематические и методологически продуманные способы отвечать на такие традиционные философские вопросы, как: что такое знание и что мы можем знать? Как известно, трансцендентализм добавляет к этому тривиальному списку собственные вопросы: как возможно, что мы можем знать? почему мы знаем то, чего не должны были бы знать (каков статус аподиктической уверенности аналитического знания), и как возможно соответствие между нашим знанием и реальностью?

Таким образом, действительно, можно говорить о том, что обе программы являются эпистемическими, поскольку в общем виде они являются программами получения знания. Однако в силу того, что всякая эпистемическая программа имеет в виду определенное устройство онтологии, эти программы являются также и онтологическими, и каждой из этих программ соответствует определенная онтология.

Чтобы эти различительные схемы не остались пустой формальностью, нам следует, наконец, обнаружить ключевые отличия одной программы от другой, в которых связь эпистемических и онтологических аспектов вполне проявляется.

Отличительные черты натурализма можно сформулировать в виде следующих программных положений:

1. Реальность онтологически однородна; отсутствие удвоенной онтологии, подразумевающей разные типы существования, а именно исходящей из того, что мир один⁴;

2. Есть только один пакет онтологических законов и правил; единство универсальных законов мироздания, например, если физике присущи детерминизм и наблюдаемость в перспективе от третьего лица, то для этих правил не может быть исключений;

3. Все феномены, которые существуют, можно описать на одном и том же языке. Если для описания объектных феноменов выбирается принцип исчислимости или наблюдаемости, то он может и должен быть атрибутирован и всем прочим феноменам;

4. Универсальный язык, пригодный для описания всего существующего – это объектный язык или язык перспективы от третьего лица (см. [Гассер 2007]). Имеется в виду публичный или приватный тип идентификации объектов. Для натурализма он всегда публичный, так как речь идет об экстерналистском доступе к наблюдаемости объектов;

5. Эпистемология в потенциале может рассчитывать на эпистемический абсолютизм. Согласно этому принципу в конечном итоге можно знать все. Познанию препятствуют лишь количественные границы, однако никаких структурных или системных ограничений нет: оно неизбежно прогрессирует, но в режиме отсроченности.

6. Все условия той реальности, которую мы наблюдаем, принадлежат самой этой реальности. Поэтому вся реальность потенциально может быть понята и описана в конечном числе непротиворечивых теорий.

Отличительные черты трансцендентализма, в свою очередь, будут следующими:

1. Реальность онтологически неоднородна; наличие удвоенной онтологии, подразумевающей разные типы существования, а именно исходящей из того, что есть мир, который подлечит наблюдению (познанию и теоретизации), и есть мир, который делает наблюдение возможным, но сам наблюдению (познанию и теоретизации) не подлечит;

2. Есть как минимум два пакета онтологических законов и правил; отсутствие универсальных законов мироздания, например, если физике присущи детерминизм и наблюдаемость в перспективе от третьего лица, то при описании воли субъекта или его сознания эти правила работать не будут, и придется вводить принцип спонтанности и перспективы от первого лица;

3. Нельзя на одном и том же языке описать все феномены, которые есть. Если для описания объектных феноменов выбирается принцип исчислимости или наблюдаемости, то он может и должен быть атрибутирован и ко всем прочим феноменам. Нетождественность различных языков описания можно показать на логических примерах с привлечением аппарата модальностей *de re* и *de se*, где в модусе *de re* мы имеем дело с истинностью того, что утверждается в высказываниях, и с соответствующими положениями дел, описанными в высказываниях, т.е. с референциями, в модусе *de se* устанавливается связь между высказанными утверждениями и описанными положениями дел и соответствующими психологическими реакциями, действиями и переживаниями самого познающего, такими как убеждения, желания и намерения, его эмоциями и действиями в реальном мире⁵;

4. Два отличных друг от друга языка это, к примеру, объектный язык или перспектива от третьего лица, с помощью которых мы описываем вещи внешнего мира, предполагающие открытую и всеобщую регистрируемость, и язык, реализуемый в перспективе от первого лица, предполагающий привилегированный приватный доступ или приватную идентификацию (см. [Бэйкер 2011, Метцингер 2003]);

5. Эпистемологии следует помнить о неизбежном скептицизме в отношении ряда вопросов, от которого не следует пытаться избавиться. В соответствии с этим принципом, если некоторые теории претендуют на прояснение структурных или системных условий формирования определенной реальности, то они должны оказываться либо противоречивыми, либо неполными, но в конечном итоге не смогут быть когерентно успешными. Поэтому ни о каком эпистемическом абсолютизме речи идти не может – нельзя знать все, так как есть принципиально “слепые пятна”, являющиеся результатом структурных или системных ограничений;

6. У той реальности, которую мы наблюдаем, есть условия, которые сами не принадлежат наблюдаемой реальности. Именно поэтому о них нельзя составить предметно-ного знания – теории. Но при этом то, что не подлечит опредмечиванию (и по поводу чего нельзя иметь теории), является своего рода ближайшим (не вынесено вовне как некое трансцендентное), поскольку является структурным условием всего сущего и организует наблюдаемую реальность. Подобное условие (в терминах классической трансцендентальной философии “условие возможности”) обязательно присутствует во всех мыслительных построениях, но не может быть схвачено объективно: в качестве предмета, значения или общего понятия.

Пятый и шестой пункты этих списков показывают, почему натурализм является программой эпистемического оптимизма, а трансцендентализм иногда трактуют как программу эпистемического пессимизма (скептицизма) (см. [Хуквэй 1999]). Также эти положения объясняют, почему натурализм более популярен, чем трансцендентализм. Натурализм ориентирован на науку и те стандарты знания, которые в ней приняты. Трансцендентализм же ориентирован на метафизическое понимание, в связи с чем его критерии успешности теории несколько иные.

Если еще раз схематично сформулировать суть трансценденталистской посылки, то она будет состоять в том, что мы не изготавливаем самих себя, так, как многое другое в этом мире (например, самолеты, лекарства или компьютеры); мы не даны себе как предмет и потому остаемся для себя непрозрачными. Следовательно, то, что есть мы сами, не может стать теорией или объектом позитивного знания. Именно здесь коренится суть закладываемого в трансцендентализм скептицизма, который несколько отличается от

обычного скептицизма, указывающего на ограниченность любого познания. Трансцендентализм, и это вполне согласуется с программой Канта, более дифференцирован в своем скептицизме, он оговаривает, какие именно области не подлежат позитивному знанию (метафизика), а какие вполне ему подвластны (физика). В кантовской терминологии речь идет о том, что решения определенных проблем лежат по ту сторону всякого возможного опыта, в то время как познающий субъект мыслит по эту и не может покинуть его актуальную почву (см. [Кант 1994]). Все, что мы можем знать, связано с тем, что дано в опыте, который образован посредством нашего непосредственного участия. Мы не получаем данные о мире в качестве нейтрального материала, но обрабатываем внешнюю информацию (чувственно и концептуально) и лишь затем приступаем к ней в качестве предмета нашего знания. Следовательно, для того чтобы выяснить, как устроен наш познавательный аппарат, мы должны были бы превзойти тот порядок вещей, который дан нам в опыте, что невозможно. Это ограничение носит объективный характер, поскольку мы можем познать лишь то, чем не являемся сами. То, что есть мы сами, не может быть объяснено на том же языке, на котором описывается от нас отличное. Так как наше сознание есть то единственное, с помощью чего мы пытаемся понять свое же собственное сознание, эта задача вряд ли когда-нибудь окажется реализованной. Чтобы описать самих себя, успешным критерием чего являлось бы построение непротиворечивой модели, которая позволяла бы создать полную копию человека, нам нужно было бы выйти за пределы того мира, который дан нам как окончательный (см. [Страуд 1968]).

Натурализм vs. Феноменология или Натурализм vs. Трансцендентализм? Выше мы говорили, что наиболее частым противопоставлением выступает диспозиция натурализма и феноменологии. Собственно, трансцендентализм и феноменология сходны как программы, более того, феноменология считается разновидностью трансцендентальной философии. Сходство действительно имеет место и заключается в том, что в некоторых контекстах принято называть корреляционизмом (см. [Мейясу web]), а именно установлением сущностной связи (корреляции) между ролью субъекта в восприятии реальности и самой реальностью. Хотя феноменология очень осторожно относится к идее удвоения на некое “для-субъекта” и некое “до/вне-субъекта”, она, несомненно, признает наличие условий возможности формирования реальности. Но, несмотря на это важнейшее сходство, имеются и некоторые немаловажные различия, которые дают возможность поставить в контрарную пару с натурализмом именно трансцендентализм, а не феноменологию. Эти различия заключаются в двух разных подходах к процедуре “объяснения”. Феноменология считает, что “объяснять что-то” значит “понимать это изнутри”. Известная трактовка “понимания\объяснения” хорошо согласуется с классическим разделением на номотетический и идеографический методы, предложенные в свое время философами баденской школы неокантианства. Также эта трактовка согласуется с философией В. Дильтея, а именно с предложенным им разделением на описательную и объяснительную психологию (см. [Дильтей 2000]). Логика такого разделения проста: для того чтобы понимать внутреннюю жизнь субъекта, нужно попросту быть *субъектом* этой внутренней жизни. Ментальная активность по определению не может предстать *объектом* изучения (см. [Гассер 2007]). Обращая её в объект, мы утрачиваем само переживание, субъектное по сути и всегда являющееся *чем-то* переживанием. Необходимо самим пережить ментальное состояние, т.е. попробовать осуществить перенос собственной внутренней жизни на мир другого, пытаясь понять его как свой. В акте понимания себя мы не превращаемся в объект, поскольку совпадаем с собственным внутренним миром, неотделимым от нас (см. [Виндельбанд 1995]). Если же мы отчуждаем от себя то, что объективировали, то перестаём себя понимать. Как только происходит процедура отделения, и даже на собственных состояниях мы смотрим со стороны, мы перестаём их понимать. А переставая их понимать, пытаемся каким-то образом объяснять.

Этот принцип, как известно, повлиял на все последующее развитие неокантианской школы. Но также он оказал огромное влияние на феноменологические подходы, в которых принято говорить о стратегии понимания сущностей, по определению не могущих стать объектами. Например, непродуктивно говорить о сознании и смысле в терминах объектов.

Еще до того как мы приступим к сознанию, начав изучать его в качестве “объекта”, сознание уже есть и делает возможным всю исследовательскую процедуру; сознание всегда опережает процесс его натурализации и потому попросту не является объектом и не может рассматриваться в качестве такового. Пытаться говорить “о” сознании бессмысленно, так как при этом мы будем пользоваться тем же самым сознанием, – других познавательных инструментов у нас нет. Предметом сознания является само сознание и потому поставить перед собой задачу говорить о сознании *не* на языке самого сознания означает сформулировать парадокс. Равно смысл можно определить как такое идеальное целостное содержание знака, которое не сводится к сумме значений образующих его частей, но само определяет эти значения. Но такое определение смысла требует отказа от применения натуралистического словаря. Смысл не может быть локализован ни на уровне сигнификации (или означающего), ни на уровне денотации (или означаемого). Сигнификация – отношение между словами предложения (фонетическим звукорядом), которые являются “означающими”, и понятиями, “означаемыми”, к которым эти слова отсылают, – не эквивалентна смыслу, поскольку эта связь есть не что иное, как денотация (референция), выполненная внутри самого предложения (на уровне знака). Денотация, устанавливающая соответствие высказывания положению дел, т.е. за его истинность или ложность, также не тождественна смыслу, поскольку соответствие задает истинность предложения, а несоответствие – его ложность, но смысл не может заключаться в том, что придает предложению значение “истины” или “лжи”, поскольку ложная денотация не отменяет передачу смысла в предложении (смысл индифферентен по отношению к онтологическому статусу вещей, таких, например, как “круглый квадрат” или “золотая гора”).

В отношении таких сущностей не нужно стремиться достичь объяснения, предполагающего внешнее (в перспективе от третьего лица) описание, но следует добиться внутреннего погружения и понимания [Сакс 2000, 281]. Именно об этом говорит феноменология, для которой, к примеру, одна из ключевых проблем современной аналитической философии – проблема “сознания–тела” будет примером псевдопроблемы, проявляющейся лишь в модусе натуралистической установки сознания, которая применяться к сознанию попросту не должна.

Но, несмотря на то, что стратегия понимания, а не объяснения была активно востребована школой неокантианства, именно в феноменологии она обосновалась наиболее устойчивым образом. Если же говорить о современных трансценденталистских практиках, то они, напротив, сохраняют идею “объяснения”, во многом соответствующую духу новоевропейского механицизма, который присутствовал и у самого Канта (см. [Фридман 1992]). Отличие некоторых стратегий современного трансцендентализма от феноменологии я усматриваю именно в сохранении задачи “объяснения” и нежелании подменить его “пониманием”. Под “объяснением” трансцендентализм подразумевает знание того, “как это сделано”, и умение “демонтировать и смонтировать вновь”. Как нетрудно заметить, в таком подходе присутствует новоевропейская и в этом смысле вполне позитивистская интенция научного подхода: мы тогда понимаем что-то по-настоящему, если можем показать устройство искомого, успешным критерием чего служит способность создания аналога проблематизируемой сущности. Именно поэтому развертываемая на наших глазах полномасштабная битва за создание искусственной субъектности и ее эмуляторов (будь то искусственный интеллект, робототехника или трансгенная инженерия) является реализацией данной установки – “знать” значит “знать как”. На знаменитый кантовский вопрос “что есть человек?” сегодня вполне всерьез ищут научные ответы. И в этом смысле трансцендентализм в трактовке знания значительно ближе науке, нежели феноменология, которая попросту отказывается от сциентистской теоретизации по поводу таких сущностей, как, к примеру, сознание и смысл, в силу ее нерелевантности.

Таким образом, феноменология отказывается говорить на языке механицизма и проходит мимо натуралистической доктрины, по сути и не вступая с ней в схватку. Именно поэтому принятое противопоставление феноменологии и натурализма не совсем точно, в действительности феноменология безобидна для натурализма, поскольку работает в иной плоскости и реальной конкуренции натурализму не составляет. Подлинным

соперником натурализма является трансцендентализм, выросший, по сути, из единого с натурализмом фундаментального понимания “знания”. “Знать” значит “знать как”, уметь объяснить (а не только длить понимание) и, следовательно, уметь создать точную копию. Знать, что такое сознание, значит добиться создания искусственного интеллекта; знать, что есть смысл, значит уметь формализовать его на машинном уровне; знать, что есть свобода, значит смоделировать спонтанность.

Однако фундаментальный изъян трансцендентализма – известный скепсис. Такова цена за сохранение сциентистской составляющей – знания “как”. Если трансценденталист намерен объяснить, *как* что-то сделано, но терпит на этом пути фиаско, он вынужден занять позицию скептика. При трансценденталистском устройстве мира у нас всегда будут сохраняться такие вопросы, которые не могут быть решены (см. [Фрэнкс 2005]). Эти вопросы будут касаться обозначенных выше условий возможности (системных требований) существования реальности (см. [Хуквэй 1999]). Напротив, феноменология изначально отказывается от разговора в терминах объяснения и подобных жертв не несет. Впрочем, феноменология и не берет на себя обязательство решать ту или иную проблему. Феноменологу, как мы сказали, достаточно достичь внутреннего понимания некоторого феномена, поэтому он не занимается решением фундаментальных философских дилемм (“как сознание связано с телом?” или “как соединить свободу воли человека с детерминизмом в природе?”). Феноменология ограничивается прояснением условий возможности постановки этих проблем, их базовых установок. В связи с таким эпистемическим минимализмом феноменологии не грозит скорбный тон скептицизма, ведь идея скепсиса может возникнуть лишь там, где пытаются решать определенные задачи. Ограничившись феноменологическим выяснением возможностей тематизации задач и прояснением условий их возникновения, эпистемического пессимизма можно успешно избежать.

Скептицизм оказывается серьезным испытанием трансцендентализма. К скептицизму в философии всегда относились скептически: в случаях, когда он был следствием своего рода интеллектуального кокетства, его рассматривали как позерство, а в случаях, когда он заявлял о себе вполне серьезно, его считали формой малодушной капитуляции. Как бы то ни было, философу всегда существовало сложнее, чем ученому, признаться в том, что он не знает, как решать ту или иную проблему. Это связано с традиционными различиями в методах научного и философского исследования. Если наука ориентирована на поиск решений во времени, выдвижение и отбрасывание гипотез, то философия надеется обрести универсальное решение, которое будучи вечной истиной, было бы неподвластно времени. Такое представление о философских способах достижения истины всерьез пересматривается в современной, особенно аналитической философии, и в наши дни философы все чаще заявляют о том, что и в философских рефлексиях завтрашний день может оказаться эффективнее сегодняшнего. Но несмотря на проникновение в философию ожиданий, свойственных науке, возможность занять скептическую позицию по-прежнему сопровождается у философов серьезным дискомфортом: скептические версии оставляют нас наедине с нашими догадками и скорее отговаривают от дальнейшего поиска. В свое оправдание скептики часто заявляют, что не просто бойкотируют исследование, но помогают понять и осознать, почему окончательное решение той или иной проблемы оказывается принципиально недостижимым. Скептицизм дает определенную ясность, указывая истинные причины тех затруднений, с которыми сталкиваются философские теории (см. [Скорупски 1990]).

В конечном итоге мы получаем следующую дилемму. Натурализм предлагает нам позитивное знание, но будучи абсолютизированным, он либо обольщается ложной картиной (в самом начале предполагая редуцированную Вселенную), либо строит противоречивые теории (например, физикализм в виде теории тождества, детерминизма или компатибилизма). Трансцендентализм же прокладывает границы, но прокладывает их правильно: хотя он и не индуцирует позитивное знание, он также не образует противоречий. При этом может возникнуть опасение, что трансцендентальное знание неполно, но это не совсем так, оно полно, так как затрагивает все элементы, но в отношении тех (структурных)

компонентов, которые не предполагают опредмечивания, трансцендентализм высказывается в критическом духе невозможности создания законченной теории (см. [Корнблит 2002]).

Учитывая сказанное, можно попытаться понять ту ситуацию, которая сложилась в области современной аналитической философии. Сохраняющаяся популярность натурализма объясняется тем, что у трансцендентализма нет содержательных альтернатив в виде объяснительных теорий, хотя и имеется серьезная и нередко почти разрушительная для натурализма критика (см. [Лэнгтон 1998]). В связи с этим возникает ощущение, что философы пытаются держаться подходов, хоть и не безупречных, но дающих некоторое позитивное знание, с которым можно либо соглашаться, либо нет [Китчер 1992, 68–69]. Так, в силу некоторой изначальной непопулярности скептических позиций указание на нерешаемость проблемы “сознание–тело” в области аналитической философии сознания выглядит для исследователей слишком большим разочарованием, чтобы этот подход мог претендовать на массовое признание. Несмотря на то, что антинатурализм представлен далеко не только скептическими теориями, антинатуралистские программы можно охарактеризовать как в основном критические. Главный акцент в них сделан на критике существующих физикалистских теорий и проблематичности, зачастую радикальной, ряда существующих решений проблемы “сознание–тело”. Таким образом, хотя трансцендентализм предъявляет сегодня натурализму достаточно серьезную критику, позиции последнего еще достаточно сильны. Изменится ли эта ситуация, напрямую зависит от того, насколько восприимчивым окажется натурализм к критическому проекту формирования знания. Это позволит привести участников спора хотя бы в ту позицию, в которой они смогут выбирать, похоже, из двух зол (знание позитивное, но противоречивое, или знание критическое, но когерентное) наименьшее.

ЛИТЕРАТУРА

- Алтер, Уолтер 2010 – *Alter T., Walter S. Phenomenal Concepts and Phenomenal Knowledge: New Essays on Consciousness and Physicalism.* Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Бретмен 2007 – *Bratman M. Structures of Agency.* New York: Oxford University Press, 2007.
- Бэйкер 2011 – *Baker L.R. Does Naturalism Rest on a Mistake? // American Philosophical Quarterly.* 2011. Vol. 48. № 2.
- Бэйкер 2014 – *Baker L.R. Can Subjectivity Be Naturalized? // Metodo: International Studies in Phenomenology and Philosophy (forthcoming).*
- Бэлл 1999 – *Bell D. Transcendental Arguments and Non-Naturalistic Anti-Realism. Transcendental arguments: Problems and prospects.* Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Виндельбанд 1995 – *Виндельбанд В. Философия культуры и трансцендентальный идеализм // Культурология XX век. М., 1995.*
- Витгенштейн 1958 – *Витгенштейн Л. Логико-философский трактат.* М., 1958.
- Гассер 2007 – *Gasser G. Naturalism and the First-Person Perspective. How Successful is Naturalism?* Frankfurt: Ontos Verlag, 2007.
- Дильтей 2000 – *Дильтей В. Введение в науки о духе: Опыт полагания основ для изучения общества и истории / Собр. соч. в 6 т. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.*
- Иванов 2013 – *Иванов Д. Природа феноменального сознания. М.: Книжный дом “Либроком”, 2013.*
- Икстром 2000 – *Ekstrom L. Free will: A philosophical study.* Boulder, Colo.: Westview Press, 2000.
- Кант 1994 – *Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч. Т. 2. М., 1994.*
- Кассам 2009 – *Cassam Q. Can Transcendental Epistemology be Naturalised? // The Philosophical Review.* 2009. Vol. 90.
- Ким 1988 – *Kim J. What is “Naturalised Epistemology”? // Philosophical Perspectives.* 1988. Vol. 2.
- Китчер 1992 – *Kitcher P. The Naturalists Return // Philosophical Review.* 1992. Vol. 101.
- Корнблит 2002 – *Kornblith H. Knowledge and its Place in Nature.* Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Левин 1983 – *Levine J. Materialism and qualia: the explanatory gap.* Oxford: Oxford University Press, 1983.

- Лэнгтон 1998 – *Langton R.* Kantian Humility: Our Ignorance of Things in Themselves. Oxford: Clarendon Press, 1998.
- Мадди 2000 – *Maddy P.* Naturalism and the A Priori // *Philosophical Review*. 2000. Vol. 67.
- Мадди 2007 – *Maddy P.* Second Philosophy: A Naturalistic Method. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Мейясу web – *Мейясу К.* Время без становления (<http://anthroponym.tumblr.com/post/42831291596>).
- Метцингер 2003 – *Metzinger T.* Being No One: The Self-Model Theory of Subjectivity. Cambridge, MA: MIT Press, 2003.
- О’Ди 2002 – *O’Dea J.* The indexical nature of sensory concepts // *Philosophical Papers*. 2002. Vol. 31. № 2.
- Папино 1993 – *Papineau D.* Philosophical Naturalism. Oxford: Blackwell, 1993.
- Рассел 2009 – *Russell B.* An Outline of Philosophy. London, N.Y. (repr.), 2009.
- Сакс 2000 – *Sacks M.* Objectivity and Insight. Oxford: Clarendon Press, 2000.
- Скорупски 1990 – *Skorupski J.* The Intelligibility of Scepticism. Oxford: Basil Blackwell, 1990.
- Смит, Салливан 2011 – *Smith J., Sullivan P.* Transcendental Philosophy and Naturalism. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Стерн 1999 – *Stern R.* Transcendental Arguments and Scepticism: Answering the Question of Justification. Oxford: Clarendon Press, 1999.
- Страуд 1968 – *Stroud B.* Transcendental Arguments // *Journal of Philosophy*. 1968. Vol. 65.
- Страуд 2004 – *Stroud B.* The Charm of Naturalism // *Naturalism in Question*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2004.
- Фишер 1994 – *Fischer J.M.* The metaphysics of free will: An essay on control. Oxford: Blackwell, 1994.
- Фреге 1997 – *Фреге Г.* Избранные работы. М., 1997.
- Фридман 1992 – *Friedman M.* Kant and the Exact Sciences. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.
- Фрэнкс 2005 – *Franks P.* All or Nothing: Systematicity, Transcendental Arguments, and Skepticism in German Idealism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005.
- Хуквэй 1999 – *Hookway C.* Modest Transcendental Arguments and Sceptical Doubts: A Reply to Stroud // *Stern*. 1999. Vol. 76.
- Чалмерс 2013 – *Чалмерс Д.* Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: URSS, 2013.
- Чизолм 1976 – *Chisholm R.M.* Person and object: A metaphysical study. La Salle, IL: Open Court, 1976.
- Шопенгауэр 1992 – *Шопенгауэр А.* Собр. соч. в 5 т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992.
- Элисон 2004 – *Allison H.* Kant’s Transcendental Idealism: An Interpretation and Defence. New Haven: Yale University Press, 2004.

Примечания

¹ Во избежание терминологической путаницы я должна оговорить, как буду понимать используемые в тексте понятия. Некоторые авторы предлагают различать отдельные типы натурализма: онтологический, методологический и эпистемологический. Первый фокусируется на содержании мира и ответе на вопрос “что есть?”, второй ориентирован на распространение научных принципов и подходов в философии, а третий нацелен на понимание возможностей познания (см. [Смит, Салливан 2011]). В общем и целом я буду ориентироваться на комплексное понимание всех трех видов, – с большим акцентом на первом и третьем. Отмечу также, что под термином “натурализм” далеко не всегда нужно понимать физикализм. Даже если концепция не является физикалистской, она может быть натуралистической, как, например, эволюционизм. В свою очередь, под трансцендентализмом не обязательно подразумевать исключительно систему кантовской философии и трансцендентального идеализма. Скорее трансцендентализм представляет собой определенный тип аргументации и, чуть шире, определенный методологический принцип. Он соотносится (но не сводится) с такими направлениями, которые можно было бы объединить под общим названием “философия субъекта” (как, например, корреляционизм, куда относится феноменология и концептуализм, см. [Мейясу web]). В этом смысле наиболее близкими мне по духу являются И. Кант и Л. Витгенштейн. При этом трансцендентализм может как предполагать субъект (немецкий идеализм), так и воздерживаться от этого (Витгенштейн, Платон, Аристотель).

² При этом они устроены так, что сосуществуют неразрывно. Они также логически предполагают друг друга. Например, для понимания сознания необходимо представление о смысле – мы тогда в сознании, когда удерживаем некий смысл. Равно смысл предполагает сознание – смысл есть, по большому счету, способ понимания значения: это не просто способ данности значения, это то, как понимается значение, а понимание есть модус сознания. Также свобода предполагает смысл, равно как субъекта в целом, так как простая спонтанность еще не означает свободу. Бессмысленная недетерминированность является случайностью, но не свободой. Свобода предполагает волю, а значит волевое решение, которое в свою очередь отсылает к пониманию, т.е. к смыслу, и вся эта конструкция предполагает субъективность. Равно сознание, по крайней мере, как акт понимания требует свободы – понимание предполагает переход от незнания к знанию, но незнание должно оставаться реальной возможностью, если переход от одного к другому строго детерминирован, то нельзя говорить о сознании – так работает скорее искусственный интеллект. Равно способность к творческим идеям и решениям является результатом свободы, заложенной в работу сознания. Интересно, что и смысл предполагает свободу, так как должен быть некий творческий выбор в том, как задавать значения – если значения жестко связаны со своими способами данности, то последние, в свою очередь, перестают уже быть способами данности и также становятся значениями.

³ Три ключевые метафоры в истории философии наилучшим образом иллюстрируют эту мысль. Это интуиция Платона: все дано нам в свете, но сам свет не дан (миф о пещере), изречение Шопенгауэра: “То, что все познает и никем не познается, есть субъект” [Шопенгауэр 1992, 154], а также высказывание Витгенштейна: “5.633. Где в мире можно заметить метафизический субъект? Вы говорите, что здесь дело обстоит точно так же, как с глазом и полем зрения. Но в действительности вы сами не видите глаза. И не из чего в *поле зрения* нельзя заключить, что оно видится глазом” [Витгенштейн 1958, 67].

⁴ Чаще всего подразумевают, что единый мир – это мир природы: вещных, физических объектов. Но было бы неверным отождествлять натурализм и материализм. Строго говоря, может быть и идеалистический натурализм. Или может встречаться монистический натурализм (например, тождество сознания и материи в расселовском монизме события, см. [Рассел 2009]). Возможен натуралистический дуализм, оговаривающий единство и универсализм психофизических законов, не отрицающих, тем не менее, нередуцируемости ментальных фактов к физическим (см. [Чалмерс 2013]).

⁵ Рассмотрим пример, из которого будет видно логическое отличие перспектив от первого и третьего лица. (1) “Знаменитый ученик Платона считал себя красивым”; (2) “Знаменитый ученик Платона считал, что знаменитый ученик Платона красив”. В (1) некий знаменитый ученик Платона отсылает к самому себе, как лицу предположительно красивому из перспективы первого лица. А в (2) некий знаменитый ученик Платона отсылает к самому себе как лицу, предположительно красивому из перспективы от третьего лица. В результате получается интересная вещь. В первом случае у нас нет никаких сомнений в том, что знаменитый ученик Платона точно знает о том, о ком говорит. А вот во втором случае такой гарантии нет – знаменитый ученик Платона может считать знаменитого ученика Платона писанным красавцем, но даже не догадываться, что это он сам. Таким образом, субъективность не подпадает под те способы формализации и верификации, которые мы используем для описания несубъектных состояний (см. [О’Ди 2002]).

Наши авторы

- ПРУЖИНИН**
Борис Исаевич – доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала “Вопросы философии”
- МИКЕШИНА**
Людмила Александровна – доктор философских наук, заведующая кафедрой философии Московского педагогического государственного университета
- МЕЛИКОВ**
Ибрагим Мустафаевич – доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии, религиоведения и теологии Российского государственного социального университета (Москва, Россия)
- ГЕЗАЛОВ**
Ариз Аваз оглы – доктор философии, старший научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, заместитель вице-президента РФО РАН по международным делам, стажер Российского института культурологии (Баку–Москва, Азербайджан–Россия)
- ПРОКОФЬЕВ**
Андрей Вячеславович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора этики Института философии РАН
- ПЕРМИНОВ**
Василий Яковлевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии естественных факультетов философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- ГАСПАРЯН**
Диана Эдиковна – кандидат философских наук, доцент НИУ ВШЭ
- РУТКЕВИЧ**
Алексей Михайлович – доктор философских наук, член редколлегии журнала “Вопросы философии”, профессор НИУ ВШЭ
- ПИЛЯСОВ**
Александр Николаевич – доктор географических наук, профессор экономики и менеджмента, директор Центра экономики Севера и Арктики Совета по изучению производительных сил
- ПАСТУШНЫЙ**
Стефан Алексеевич – доктор философских наук, профессор, заместитель директора Российского центра образования в Праге (Прага, Чехия)
- ВИЗГИН**
Виктор Павлович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН

ЛОЩИЦ
Игорь Валерьевич

– аспирант Института философии РАН

ЗОЛЯН
Сурен Тигранович

– доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института перспективных гуманитарных исследований и технологий Московского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения (Ереван)

КУЗНЕЦОВ
Василий Юрьевич

– кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова